

С. В. Ряполов

**«ЕГО ИМЯ БЫЛО СИНОНИМОМ ФИЛОСОФА»:
ЛИЧНОСТЬ, ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФИЯ
АРХИМ. ФЕОФАНА (АВСЕНЕВА)**

Аннотация. В статье рассматривается биография и основные положения философской системы русского религиозного мыслителя, философа, архимандрита Русской Православной Церкви о. Феофана (Авсенева), оказавшего существенное влияние не только на становление киевской философско-богословской школы, но и на формирование самобытной русской философской мысли. Основываясь на философии платонизма, православном богословии, романтизме и мистическом шеллингианстве, мыслитель выстроил оригинальную философскую систему, в рамках которой были поставлены многие вопросы, созвучные проблемному полю русской религиозной философии второй половины XIX — первой половины XX вв. Стоя у истоков русского религиозно-философского ренессанса, о. Феофан (Авсенева) оказал значительное влияние на своих учеников, слушавших его лекции по философии в Киевских духовной академии и университете св. Владимира (портреты многих из них украшают собой галерею русской мысли XIX в.).

Ключевые слова: *духовно-академическая философия, университетская философия, русский платонизм, русское шеллингианство, русская нравственная сотериология, нравственная философия, бытие, архимандрит Феофан (Авсенева)*

Для цитирования: *Ряполов С. В. «Его имя было синонимом философа»: личность, жизнь и философия архим. Феофана (Авсенева) // Церковь. Богословие. История. 2023. № 4. С. 318–330.*

Сведения об авторе: Ряполов Сергей Владимирович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского государственного института культуры (Россия, г. Москва). *E-mail: sergey.riapolov@gmail.com*

При рассмотрении истории русской философской культуры, при попытке выстраивания ее большого контекста неизбежно возникает проблема существования огромных лакун или белых пятен, к числу которых, безусловно, нужно отнести философскую систему оригинального русского мыслителя, богослова П. С. Авсенева (в монашестве о. Феофана), являющегося, по мнению автора работы «Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы» Н. А. Куценко, «пожалуй, самым оригинальным из представителей киевской богословско-философской школы», чье «рукописное наследие требует полного

изучения»¹. «Сама личность Авсенева привлекает к себе внимание. Его репутация как философа ставилась высоко: „Его имя, — сообщает автор некролога, посвященного Авсеневу, — долгое время во всех учебных округах духовного ведомства, после имени Ф. А. Голубинского, было синонимом философа“»², — писал в «Очерке развития русской философии» Г. Г. Шпет. Но, к сожалению, сейчас жизнь и философская система П. С. Авсенева остаются непросто малоизученными.

После обучения в Воронежских духовных училище и семинарии, в которых «в то время еще довольно живо и сильно было впечатление, произведенное там известным шеллингистом»³, профессором философии И. Я. Зацепиным, он поступил в Киевскую духовную академию, которую окончил в 1833 г. со степенью магистра богословия, и был сперва назначен бакалавром по классу немецкого языка, а позже бакалавром философских наук, в 1839 г. экстраординарным, а с 1845 г. ординарным профессором.

Помимо службы в Киевской духовной академии П. С. Авсенева преподавал философию в Киевском университете св. Владимира, где с 1838 г. состоял адъюнктом по кафедре философии. На страницах «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884)» можно обнаружить такую характеристику: «П. С. Авсенева был одним из ученейших людей России. Он отлично знал языки еврейский, греческий, латинский, немецкий, французский и итальянский; науки богословские, философские, исторические и естественные составляли любимый круг его занятий. В университете П. С. Авсенева читал логику, историю души, историю новейшей философии, нравственную философию в соединении с естественным правом и философию истории»⁴. Г. В. Флоровский в работе «Пути русского богословия» отмечал: «В Киевской академии сложилась своя традиция <...> В ряду киевских философов всего ярче образ П. С. Авсенева, затем

¹ Куценко Н. А. Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы. М., 2005. С. 85.

² Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 195.

³ Биографическая заметка // Феофан (Авсенева), архим. Из записок по психологии. Киев, 1869. С. VIII.

⁴ Иконников В. С. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884. С. 9.

архимандрита Феофана (1810–1852), принявшего пострижение уже в профессорском звании, по внутренней склонности и влечению. В Академии он преподавал психологию, преимущественно по Шуберту, и вообще был очень близок к мистическому шеллингианству и к Баадеру, совмещая этот романтико-теософический мистицизм с отеческой аскетикой (особенно любил Макария и Исаака Сирина), также и с Плотиним и с Платоном. Читал он смело и вдохновенно, много говорил о „ночной жизни“ души, о загадочных и магических душевных явлениях, о сне и лунатизме, о болезнях души, „о бесновании, магии и волшебстве“ — влияние на студентов имел он неотразимое и в Университете»⁵.

11 октября 1844 г. в жизни П. С. Авсенева случилась очень важная событие: митрополитом Киевским и Галицким Филаретом (Амфиатовым) он был пострижен в монахи с именем Феофана. Из воспоминаний о. Антонина (Капустина) известно, что вся жизнь о. Феофана (Авсенева) словно бы была приготовлением к монашеству. Он писал: «Решиться на это ему не стоило большого труда, потому что образ жизни его давно уже был истинно монашеский. Постриженный с именем Феофана (11 октября 1844 г.), он понял и принял монашество самым строгим образом, точно так, как оно давно представлялось ему в идее, и как изображено в поразительном священнодействии пострижения»⁶. На верность этих воспоминаний указывает и та характеристика, которую можно обнаружить на страницах «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884)»: «Это была симпатичная личность: скромный, ко всему доброжелательный, непрестанно трудившийся над саморазвитием, в собеседовании об ученых предметах всегда ровный и спокойный, — в душе глубоко религиозный и, по складу своего характера, более склонный к монашеской жизни и кабинетной деятельности, чем к жизни светской и семейной»⁷.

В 1846 г. о. Феофан (Авсенева) был возведен в сан архимандрита. В 1844 г. уволен от службы в университете, а в марте 1850 г.

⁵ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Философское пробуждение // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 280.

⁶ Иконников В. С. Биографический словарь... С. 8.

⁷ Там же. С. 516–517.

по болезни, и от академической службы. В конце жизни о. Феофан (Авсенеv) был определен настоятелем посольской церкви в Риме, где умер 31 марта 1852 г.

Исторически первой литературой, из которой можно составить мнение о жизни и личности о. Феофана (Авсенева), могут быть названы некролог, написанный о. Антонином (Капустиным) и опубликованный в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1853 г., работа «История Киевской духовной академии, по преобразовании ее, в 1819 году» В. И. Аскоченского, «Исторические записки о Киевской Духовной Академии за 50-летний период с 1819 по 1869 гг.» И. И. Малышевского, биографическая заметка к работе о. Феофана (Авсенева) «Из записок по психологии», опубликованной в Киеве в 1869 г., статья «Воспитанники Киевской духовной академии (1819—1869 г.), поступившие из Воронежской духовной семинарии» в «Воронежских епархиальных ведомостях» № 22 за 1869 г., «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834—1884), составленный и изданный под редакцией ордин. проф. В. С. Иконникова», опубликованный в 1884 г. в Киеве. Влияние мыслителя на киевскую философско-богословскую школу отмечалось и в работе «Философские очерки» А. И. Введенского, писавшего, что о. Феофану (Авсенеv) «студенты Киевской академии после Скворцова больше всех были обязаны своим философским развитием»⁸. С сожалением о потере «глубокого мыслителя — философа и богослова Авсенева»⁹ вспоминали об о. Феофане (Авсенеv) и в университете.

Остается только сожалеть, что при жизни философ опубликовал очень мало своих сочинений и все основные тексты были изданы уже после смерти мыслителя на основании рукописи, которую о. Феофан (Авсенеv) передал И. М. Скворцову, в составе «Сборника из лекций бывших профессоров Киевской дух. академии, <...> изданного академией по случаю пятидесятилетнего юбилея ее» в Киеве в 1869 г., и, вероятно, они были подвергнуты редакторской правке. Исключение составляют несколько статей, опубликованных в журнале Киевской духовной академии «Воскресное чтение», и статья «Наблюдения

---

⁸ *Введенский А. И.* Философские очерки. СПб., 1901. С. 21.

⁹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Пятидесятилетие Императорского университета св. Владимира. Киев, 1884. С. 7.

над умирающими» в издававшемся М. П. Погодиным журнале «Москвитянин», № 20 за 1852 г. А о некоторых важных составляющих его философских воззрений можно узнать только из воспоминаний бывших учеников о. Феофана (Авсенева). Так, прямую отсылку к его философии можно обнаружить в письмах святителя Феофана Затворника, слушавшего лекции о. Феофана (Авсенева) и, вероятно, испытывавшего его сильное влияние.

Тем не менее, на основании сохранившихся текстов можно составить мнение, что в основание философской системы о. Феофана (Авсенева) было положено вопрошание человека о самом себе: как отмечал мыслитель, «встречаясь внутри себя с собою, он спрашивает самого себя: *что я есмь?*»¹⁰.

При этом философская антропология приобретает у философа глубокое нравственное измерение, сближая мыслителя с линией русской нравственной сотериологии — пожалуй, наиболее значимым и оригинальным направлением русской этической мысли. Так, смертность человека рассматривается философом как проявление наивысшего морального зла в мире, как симптом болезни бытия и отклонения человека от изначального замысла о нем. «Смерть есть величайшее из всех бедствий, какие только постигают несчастный род человеческий; она совмещает в себе все те болезни, потери и унижения, какие в течение жизни поражают душу и тело порознь»¹¹, — писал о. Феофан (Авсенева). Как отмечала С. Г. Семенова, «русская душа особым образом уязвлена фактом смертного конца человеческой жизни; ее глубиннейшая метафизика есть *метафизика смерти*, в которой очень важен подсознательный отказ признать *нормальность* этого факта»¹². Поэтому неслучайно у о. Феофана (Авсенева) важную роль в его философии смерти играют размышления о ненормальности смертности человека: «Как ни естественна человеку смерть, при настоящем устройстве природы; однако он может с достоверностию гадать, что она есть некоторое чуждое истинному существу вещей, пришлое зло, — что человек и должен быть и был некогда бессмертен, не только по душе, но и по телу <...> По крайней мере, человек, как существо, по самому

¹⁰ Авсенева П. С. Из записок по психологии. СПб., 2008. С. 19.

¹¹ Там же. С. 291.

¹² Семенова С. Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994. С. 265.

понятию своему, соединенное с Богом, как причастник жизни Божией, должен быть изъят из закона смерти»¹³. Этот «нравственный вызов» чаяния человеческого бессмертия, избавления человека от уз смерти позволяет рассматривать философию о. Феофана (Авсенева) как важнейший источник русской нравственной сотериологии, получившей наиболее яркое изложение уже во второй половине XIX в. в «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, особенную этическую глубину которой отмечает В. В. Варава, пишущий, что «это проблематизация темы смерти до уровня невозможности рассматривать ее как исключительно онтологическую проблему, поскольку к ценностно нейтральному бытию добавляется этически нагруженный эпитет „больное“, то есть несовершенное, несправедливое и т. д.»¹⁴. Об этом неприятии смерти как наивысшего зла писала С. Г. Семенова: «В христианском представлении человек через грехопадение ниспадает в природный порядок бытия, где как закон существования царит пожирание, половой раскол, вытеснение и смерть. В ценностном плане для христианского сознания этот порядок бытия не есть Божий, он избран человеком свободно в противлении Его воле, а „имущий державу Смерти“ со всем ее мрачным кортежем похоти, лжи и убийства, как известно, носит имя главного антагониста Бога. Райское состояние становится потерянным идеалом бессмертной, блаженной, божественной жизни <...> Восстановление такого состояния христианская душа чаует обрести и в будущем, в Царствии Небесном»¹⁵. Смерть понимается как симптом болезни бытия, и потому столь сильно трагическое мироощущение в философии о. Феофана (Авсенева): «Та печаль об утрате какого-то блаженства проходит по всему царству бытия <...> Уныло воют ветры, рокочут воды морей; растения, всею жизнью своею, выражают жажду жизни и света и в этой жажде истощаются, умирают; животные оглашают воздух то жалобными песнями, то криками ярости; народы передают друг другу повесть о золотом веке, о каком-то преступлении, о вторжении зла, и наконец Свящ. Бытописание ясно говорит, что человек

---

¹³ Феофан (Авснев), архим. Из записок по психологии. Киев, 1869. С. 221–222.

¹⁴ Варава В. В. Вызов Федорова: нравственные коллизии русского космизма // Булгаковские чтения. 2014. № 8. С. 103.

¹⁵ Семенова С. Г. Тайны Царствия Небесного. С. 6.

был блажен и бессмертен, но потерял и то и другое преступлением заповеди Божией»¹⁶. И потому, выражаясь словами В. С. Соловьева, «весь наш мир нераздельно <...> требует спасения»¹⁷.

Русская философская мысль неустанно пытается постичь смерть, всматривается в нее, приближаясь столь близко, что, как писал Л. В. Карасев, «дотронулась до нее рукой, обняла ее и ужаснулась от этой завораживающей близости»¹⁸. Возможно, именно в этом и нужно искать истоки истинного своеобразия и оригинальности русской философской культуры. О будущем русской философии о. Феофан (Авсенев) пророчески писал: «Отвлеченные диалектические умозрения, подобные немецким, едва ли примутся на почве нашего духа. <...> Но, с другой стороны, у нас едва ли разовьется и чисто эмпирическая философия, подобная английской. Можно гадать, что философия у нас будет иметь характер преимущественно религиозный, ибо религия глубоко укоренилась в нашем духе и вошла в самое существо его»¹⁹.

При этом относительно своеобразия русской культуры о. Феофан (Авсенев) писал: «Характер русский есть характер универсальный. <...> С этой универсальностью русского характера согласны многие высокие черты, замечаемые в нем. В числе этих черт заслуживают особенного внимания: необыкновенная терпеливость русского народа, всеобщая уживчивость, великодушие, благодушие, прямота и открытость характера, отсутствие в нем страстной раздражительности, порывистости и пр. <...> Это ровное, спокойное настроение духа отражается, между прочим, и в тоне его народной песни, сменяясь, впрочем, на время шумным и стремительно-быстрым песенным разгулом»²⁰. Похожие мысли уже в XX в. можно обнаружить у И. А. Ильина, отмечавшего: «О доброты, ласковости и гостеприимстве, а также и о свободолюбии русских славян свидетельствуют единогласно древние источники и византийские и арабские. Русская народная сказка вся проникнута певучим добродушием. Русская песня есть прямое излияние сердечного

¹⁶ Авсенев П. С. Из записок по психологии. С. 295.

¹⁷ Соловьев В. С. Сочинения. М., 1988. С. 67.

¹⁸ Карасев Л. В. Русская идея (символика и смысл). 1992. С. 101.

¹⁹ Авсенев П. С. Из записок по психологии. С. 196.

²⁰ Там же. С. 194–195.

чувства во всех его видоизменениях. Русский танец есть импровизация, проистекающая из *переполненного чувства* (курсив везде наш. — С. Р.). <...> Этот дух живет в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке. История русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его этим духом, духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости. А русская медицинская школа есть его прямое порождение»²¹. Согласно о. Феофану (Авсенеу), в своеобразии русской культуры слово бы получили отражение бескрайность и обширность русской равнины, а *слиянию племен* «благоприятствует ее ровное местоположение»²². В «Русской идее» на это указывал и Н. А. Бердяев: «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине»²³. По И. А. Ильину, «созерцанию нас учило прежде всего наше равнинное пространство, наша природа, с ее далями и облаками, с ее реками, лесами, грозами и метелями. <...> Но сердце и созерцание дышат *свободно*. <...> Эта внутренняя свобода чувствуется у нас во всем: в медлительной плавности и певучести русской речи, в русской походке и жестике-лялии, в русской одежде и пляске, в русской пище и в русском быту. Русский мир жил и рос в пространственных просторах и сам тяготел к просторной нестесненности»²⁴.

Таким образом, нужно отметить, что уже в первой половине XIX в. в философии о. Феофана (Авсенева) оформились те вопросы, в поиске ответов на которые во многом сложилась оригинальная русская философская культура второй половины XIX — первой половины XX вв. Так, например, В. В. Зеньковский писал: «Авсенева защищал положение, что душа человека „может сообщаться с внешним миром непосредственно“, то есть и помимо органов чувств. Это уже <...> скорее предварение учения об интуиции, как оно развилось в конце

---

²¹ Ильин И. А. О русской идее // О русском национализме: сб. ст. М., 2007. С. 111.

²² Авсенева П. С. Из записок по психологии. С. 194.

²³ Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М., 2016. С. 10.

²⁴ Ильин И. А. О русской идее. С. 112–113.

XIX века. Наша душа — учил Авсенеv — сопринадлежит безмерному океану духовного бытия, со всех сторон охватывающему отдельную душу»²⁵.

Огромное влияние на о. Феофана (Авсенева) оказали не только философия платонизма и святоотеческое богословие, но и романтизм и мистическое шеллингианство. Как отмечал в «Очерке развития русской философии» Г. Г. Шпет, «Авсенева тянуло к себе „сверхъестественное“ в его ближайшем соприкосновении с жизнью человека во всех исключительных проявлениях нашей психики, как сомнамбулизм, ясновидение, лунатизм и всякого рода обнаружения „бессознательной“ сферы души, — того, что Шуберт удачно назвал ее ночною стороною, *Nachtseite*. Психологи Шеллинговой школы, как Карус, Бурдах, Шуберт, и в особенности последний, обнаруживали живой и повышенный интерес к этим сумеречным состояниям души с их экстравагантными и фантастическими проявлениями. Естественно, что Авсенеv нашел для себя в Шуберте излюбленного руководителя»²⁶.

По мысли философа, существует четыре иерархически выстроенных степени бытия: «1) бытие только что *пребывающее, вещественное и мертвое*; 2) бытие *вещественное, пребывающее и живущее*; 3) бытие *вещественное, пребывающее, живущее и одушевленное*; 4) бытие *пребывающее, живущее, одушевленное и вместе разумное*»²⁷. Человек, как четвертая степень бытия, имеет тот же *вещественный состав*, что и *неорганическое царство, растительные отправления* у него общие с *растительным царством, земные склонности и способности души с животным царством*, а *дух* (курсив везде наш. — С. Р.), суть которого — «непосредственное стремление к Богу»²⁸, является сущностью человека, и потому, как писал философ, «разум стремится познавать Бога, сердце ищет исполняться ощущением Его в себе, воля хочет более и более достигать Его»²⁹. Но поскольку «Бог необъятен, неошутим

²⁵ Зеньковский В. В. История русской философии // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/zenkovskiy/istoriya_russkoy_filosofii (дата обращения: 04.11.2022).

²⁶ Шпет Г. Г. Сочинения. С. 195–196.

²⁷ Авсенеv П. С. Из записок по психологии. С. 54.

²⁸ Там же. С. 65.

²⁹ Там же.

и недостижим в существе своем»³⁰, то совершенства Его открывается человеку через мир как *истина*, составляющая познание из мира сущности Бога, *красота*, как отражение в мире совершенств Его, *добро*, являющееся осуществлением Его целей в мире. При этом «дух в существе своем заключает способность познавать истину, услаждаться красотой, делать добро; но он не есть самосушая истина, самосушая красота и самосушее добро»³¹, и потому в ответ влечению духа к Богу нужно Его некоторое снисхождение, чтобы «он мог не только искать Бога, но и находить Его»³².

Как отмечает автор «Очерков по истории раннего платонизма в России» Е. И. Мирошниченко, имплицитно платонизм содержится во многих высказываниях о. Феофана (Авсенева)³³. Именно философия платонизма может быть отмечена как важнейшее основание его философии. Так, в его сочинениях присутствуют как прямые ссылки на Платона, так и вполне явные отсылки к нему. Например, примечателен образ разума, укрощающего, как царь и возница, «мятежные порывы бурного пламени»³⁴, использованный о. Феофаном на страницах своего сочинения. Тем не менее, в его философском осмыслении платонизма «мы встречаемся не просто с восприятием некоторых идей Платона, но уже с восприятием дискурсивным, нацеленным на диалог <...> Некоторые идеи начинают вписываться в контекст самостоятельных построений»³⁵.

Таким образом, можно обозначить, по крайней мере три основных источника философии о. Феофана (Авсенева): философия платонизма, святоотеческое богословие и романтизм и мистическое шеллингианство. Тем не менее, его философская система вполне самобытна и может быть рассмотрена как важнейшее основание оригинальной русской философии. Так, его размышления о трех путях познания души человека: *наблюдении*, которое философ разделял на *внутреннее* и *внешнее*, *умозрении* и *Откровении*, созвучны мыслям его современника В. Н. Карпова, о котором В. В. Зеньковский писал:

---

³⁰ Авсенева П. С. Из записок по психологии. С. 65.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Мирошниченко Е. И. Очерки по истории раннего платонизма в России. СПб., 2013. С. 91.

³⁴ Авсенева П. С. Из записок по психологии. С. 303.

³⁵ Мирошниченко Е. И. Очерки по истории раннего платонизма в России. С. 93.

«Как в человеке есть три пути вхождения в мир (внешние ощущения, связывающие нас с чувственной реальностью, „идеи“, связывающие с метафизической — „мыслимой“, по терминологии Карпова, — сферой бытия, и духовное созерцание, связывающее с Божеством), так и сам мир должен быть различен в трех „ярусах“ — чувственного, метафизического и Абсолютного бытия. Лишь при гармоническом сближении трех начал в душе человека „все сложится в одну беспредельную космораму, сольется в один аккорд, в одну священную песнь Всевышнему“. В этом плане „философского синтетизма“, как выражался Карпов, самый мир (чувственный и „мыслимый“, то есть метафизический) должен предстать в единстве чувственной и идеальной своей стороны, как единое целое: должен быть найден „закон гармонического бытия вселенной“»³⁶. Позже эта мысль о получении цельного знания путем взаимосвязи эмпирического, рационального и мистического путей познания разовьется в философии В. С. Соловьева.

Оказав значительное влияние на своих учеников, в числе которых были святитель Феофан Затворник, о. Антонин (Капустин), П. Д. Юркевич, С. С. Гогоцкий и другие ярчайшие мыслители своего времени, о. Феофан (Авсенева) на страницах своих сочинений изложил множество оригинальных мыслей, выстроил самобытную философскую систему, многие положения которой могут показаться заслуживающими внимания и в рамках современной философии. Например, особенную роль в его философском учении о человеке играют размышления о влиянии на душевную составляющую человека *мировой жизни, жизни Солнечной системы, планетной жизни*. Уже в XX в. учение о влиянии циклов солнечной активности на явления в биосфере и социально-исторические процессы сформулировал А. Л. Чижевский. Особенного рассмотрения заслуживает философия пола о. Феофана (Авсенева), основания которой можно обнаружить уже у Платона в его мысли об Эроте как о желании человека обрести изначальную целостность. Тем не менее, в современной литературе по истории русской философской мысли имя о. Феофана (Авсенева) практически не упоминается. Безусловно, устранение этого «белого пятна» с карты истории русской философии является

---

³⁶ Зеньковский В. В. История русской философии.

актуальной проблемой, с решением которой связано обнаружение и раскрытие по-настоящему оригинальных и самобытных философских систем, составляющих истинное своеобразие русской философской мысли.

Источники и литература

1. *Авсенов П. С.* Из записок по психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2008.
2. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М.: Издательство «Э», 2016.
3. Биографическая заметка // *Феофан (Авсенов), архим.* Из записок по психологии. Киев, 1869. С. I–XVI.
4. *Варава В. В.* Вызов Федорова: нравственные коллизии русского космизма // Булгаковские чтения. 2014. № 8. С. 97–105.
5. *Введенский А. И.* Философские очерки. СПб., 1901.
6. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Пятидесятилетие Императорского университета св. Владимира. 1834–1884. Речь, произнесенная на юбилейном акте университета ордин. проф. М. Ф. Владимирским-Будановым. Киев, 1884.
7. *Зеньковский В. В.* История русской философии // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/zenkovskiy/istoriya_russkoy_filosofii (дата обращения: 04.11.2022).
8. *Иконников В. С.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884.
9. *Ильин И. А.* О русской идее // О русском национализме: сборник статей. М.: Российский Фонд Культуры, 2007. С. 109–122.
10. *Карасев Л. В.* Русская идея (символика и смысл) // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 92–104.
11. *Куценко Н. А.* Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы. М., 2005.
12. *Мирошниченко Е. И.* Очерки по истории раннего платонизма в России. СПб., 2013.
13. *Семенова С. Г.* Тайны Царствия Небесного. М., 1994.
14. *Соловьев В. С.* Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. I.
15. *Феофан (Авсенов), архим.* Из записок по психологии. Киев, 1869.
16. *Феофан (Говоров), еп.* Собрание писем. М.: Типо-Литограф. И. Ефимова, 1898. Вып. 2. 240 с.
17. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Философское пробуждение // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 272–378.
18. *Шпет Г. Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989.

Sergei V. Ryapolov

“His name was synonymous with the philosopher”: Personality, Life and Philosophy of Archimandrite Theophan (Avsenev)

Abstract. The article deals with the biography and the main points of philosophy of the Russian religious thinker and philosopher, Archimandrite of the Russian Orthodox Church Theophan (Avsenev). The philosopher had a significant influence not only on the formation of the Kiev school of philosophy and theology, but also on the formation of original Russian philosophical thought. Based on the philosophy of Platonism, Orthodox theology, romanticism, and mystical schellingianism, the thinker formed an original philosophical system that raised many questions in tune with the problematic field of Russian religious philosophy in the second half of 19th — first half of 20th centuries. Archimandrite Theophan (Avsenev) was at the origins of the Russian religious and philosophical Renaissance, and had a significant influence on his students who listened to his lectures on philosophy at the Kiev Theological Academy and St. Vladimir University, many of whom became the pride of Russian theological and philosophical thought of the 19th century.

Keywords: *Theological philosophy, university philosophy, Russian Platonism, Russian Schellingianism, Russian moral soteriology, moral philosophy, beingness, Archimandrite Theophan (Avsenev)*

For citation: Ryapolov S. V. «Ego imia bylo sinonimom filosafo»: lichnost', zhizn' i filosofii arkhim. Feofana (Avseneva) [“His name was synonymous with the philosopher”: Personality, Life and Philosophy of Archimandrite Theophan (Avsenev)]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia — Church. Theology. History*, 2023, no. 4, pp. 318–330.

About the author: Ryapolov Sergei Vladimirovich — PhD (Philosophy), Senior Lecturer at the Department of Philosophy of the Moscow State Institute of Culture (Russia, Moscow). *E-mail: sergey.riapolov@gmail.com*